СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОГОЛЕВСКИЙ НОМЕР

4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 49 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

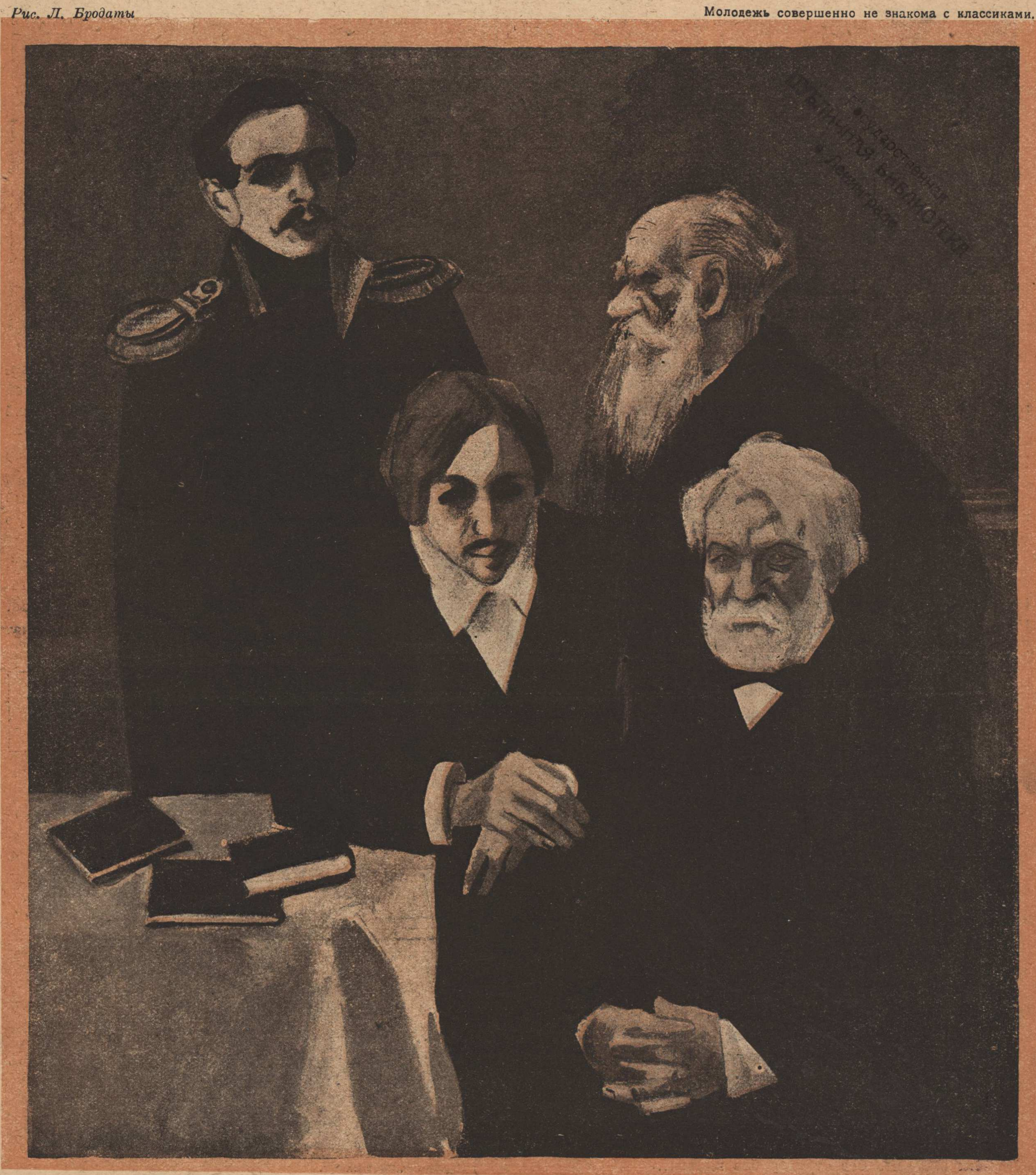
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ДЕКАБРЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции 5-49-78, конторы 1-38-90. 1926 ГОД

„МЕРТВЫЕ ДУШИ“, ИЛИ—

Рис. Л. Бродаты

Молодежь совершенно не знакома с классиками.

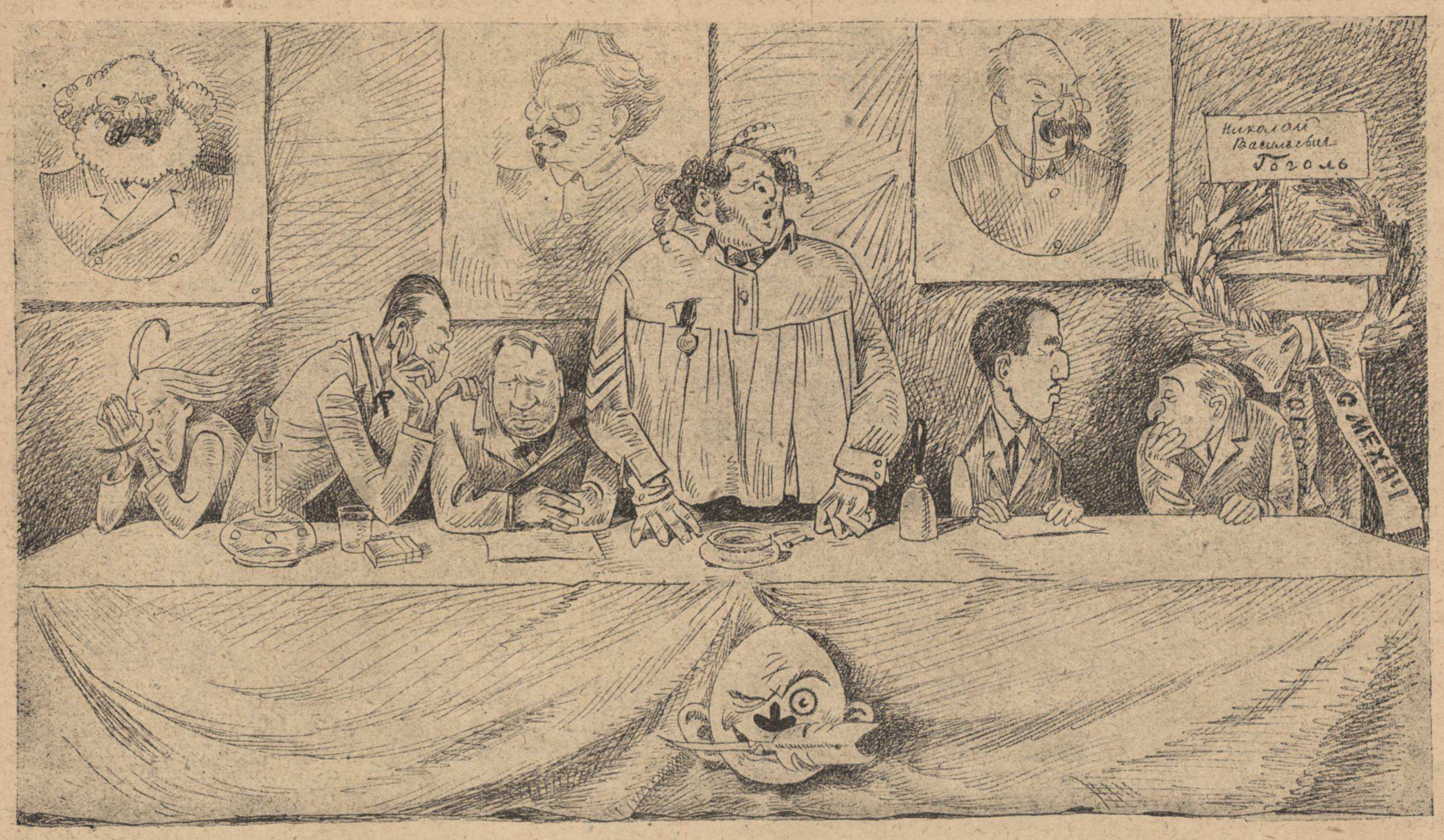


Лермонтов Гоголь Толстой Тургенев

„ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА“

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО НОМЕРА

Рис. Б. Антоновского



Радаков: — Граждане! На заседании присутствуют — слева направо от читателя — Евлампий Надькин, Н. Радлов, Б. Антоновский, А. Радаков, Ив. Прутков и А. Флит. Объявляю специальный гоголевский номер открытым! К сожалению, во всем городе не оказалось портрета нашего мирового сатирика. Мрак! Но ничего не попишешь! Итак, прежде всего огласим краткий перечень трудов Николая Васильевича, использованных в специальном номере „Смехача“: „Вечера на хуторе близ Диканьки“— „Пропавшая грамота“, „Страшная месть“, „Заколдованное место“; „Тарас Бульба“, „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“, „Нос“, „Похождение Чичикова, или мертвые души“, „Ревизор“.

Оглашенный нами перечень, разумеется, далеко не исчерпывает написанного Николаем Васильевичем. Гениальный покойник написал так много, что по свидетельству авторитетных продавцов, полного собрания его сочинений хватает на целую неделю для заворачивания продуктов. И это, заметьте,—в самую бойкую предпраздничную торговлю.

Теперь пару слов по существу номера. Все подписи под рисунками, за исключением этого и на 11 и 12-й страницах, сделаны самим Н. В. Гоголем. Понятно, граждане,— мы могли бы подписать и сами — у нас и своих гоголей до чорта Но послушаем, что об этом говорит Николай Васильевич на странице 333-ей, строка шестая, полного собрания сочинений. Цитируем с сохранением орфографии, так как издание — довоенное. А нынче, как известно, гос-издавать Гоголя не принято. Говорит Николай Васильевич следующее:

> *„Россія такая чудная земля, что если скажешь что-нибудь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесора, от Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ: то же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ“.*
>
> (Гоголь — „Нос“).

ГОГОЛЕВЩИНА

Проходит век. И в нем сто лет—за двести.
Сегодня жизнь утраивает час.
А по медвежьим уголкам у нас
Дремучий быт на том же самом месте.
Благоухает также, без прикрас,
Мещанский хлев окраин и предместий.
И даже в центрах, говоря по чести,
Изжитых форм неистощим запас.

Конечно, мы готовы из приличий
Не называть знакомых дураков,
Против отдельных лиц не строить ков
И не стрелять по слишком мелкой дичи...
Но если жив советский „Хлестаков“,
И где-то в дебрях глупый „Городничий“
Царит среди родных ему обличий,—
Как обойтись без стрел и без кивков...

Октябрьский вихрь, сметая тучи пыли,
Ломая гниль и разгоняя смрад,
Не сокрушил еще иных оград.
А там, за ними, груды старой гнили.
И, приспособившись на новый лад,
Имея радио, автомобили,
Последыши рабов живут, как жили
Их прадеды за сотню лет назад.

Мы отошли, конечно, от ацтека *),
У будущего взяли мы взаймы.
Но освежить протухлые умы,
Переродить природу человека —
Не так легко. Из косности и тьмы
До нас дошли уродец и калека.
И — люди новые иного века —
Лицом к лицу их можем встретить мы.

Дмитрий Цензор

*) Ацтеки—дикое племя.

ДНЕПР

Некто раскрыл книжку и сказал:

— Слушайте, товарищи! Я прочту вам небольшой отрывок из Гоголя. „Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет, ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина; и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру!..“ Будьте добры, товарищи, это самое изложить своими словами.

Люди, к которым обратился некто, были представителями самых разнородных профессий, и каждый из них принялся за дело по-своему.

Директор треста тов. Мандрыкин „для выполнения задания“ взял срочную командировку „для личного обследования района Днепра“.

Оттуда он срочно телеграфировал через две недели:

„Сообщаю результаты осмотра точка Днепр производит благоприятное впечатление точка Лес и горы несомненно представляют крупную ценность открывая широкие перспективы как по заготовке строевого леса так и по добыванию полезных ископаемых точка Разрушительная работа полных вод должна быть локализована постройкой заградительных дамб точка Подробный проект высылаю почтой точка В интересах дела полагаю проехать также и на Волгу“.

Делопроизводитель Кнопка пересмотрел все дела и, не найдя в предыдущей переписке ни полслова о Днепре, долго и сосредоточенно соображал — как начать бумажку о такой непривычной вещи.

В конце концов, он дал машинистке перепечатать следующий документ:

„В виду“ (зачеркнуто) „Согласно вашего запроса“ (зачеркнуто).

„Дано сие в том, что Днепр действительно чуден при тихой погоде, состоя в вольном и плавном мчении своих вод сквозь леса и горы. В течение указанного срока он добросовестно реет и вьется, что подписью с приложением печати подтверждаю“.

Докладчик Губпрофсовета тов. Дрючко написал так: „Товарищи! Сегодня в повестке Днепр. Товарищи! Я не буду утруждать вашего внимания, я только скажу: да, действительно, предыдущий оратор, товарищ Гоголь, в общем и целом прав. Днепр, действительно, ни зашелохнет, ни прогремит. Но почему? Обратимся к цифрам. К концу первого квартала, товарищи, мы имели увеличение заработной платы на 3 процента. Это мало? Нет, товарищи, это не мало. Обратимся к цифрам. В 1923 году у нас имелось...“ И так далее—на десяти страницах.

Частный предприниматель Адамкер изложил вопрос в пессимистических тонах:

„Что значит—чуден Днепр? И что же такое величавая ширина? Разве её кушают с маслом? Или, может быть, Иванов возьмет эту величавую ширину в погашение моего векселя? Так он же не идиот! И кому, если не полному идиоту, может чудиться, что Днепр весь вылит из стекла. Хорошенькое стекло! Я же был, я же видел! И я вам скажу, какое это стекло: его ни один стекольный завод не возьмет!“

Бухгалтер Дебет не писал о Днепре, — он просто *вписал* Днепр в надлежащую графу:

„Итого на первое декабря—Днепров—1“.

И, наконец, милиционер Мильтоньев вывел на лоскуте бумаги старательными буквами:

„Рапорт“

Доношу, что за истекшие сутки на Днепре мною ничего такого не замечено.“

Ив. Прутков

О ХИЩЕНИЯХ В КООПЕРАЦИИ

«То-есть не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет!».

(«Ревизор»)

О ЧАСТНОМ КАПИТАЛЕ

«Самоварники! Аршинники! Архиплуты! Протобестии! Надувалы морские!..»

(«Ревизор»)

О ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОВЕЩАНИЯХ

«Слушаешь, слушаешь—и голову повесишь».

(«Миргород»)

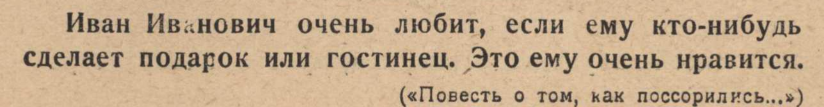
ЗААНКЕТИЛСЯ

— Знаете-ли вы украинскую ночь, а если нет, то—почему?

114-я СТАТЬЯ УГ. КОД. ПО ГОГОЛЮ

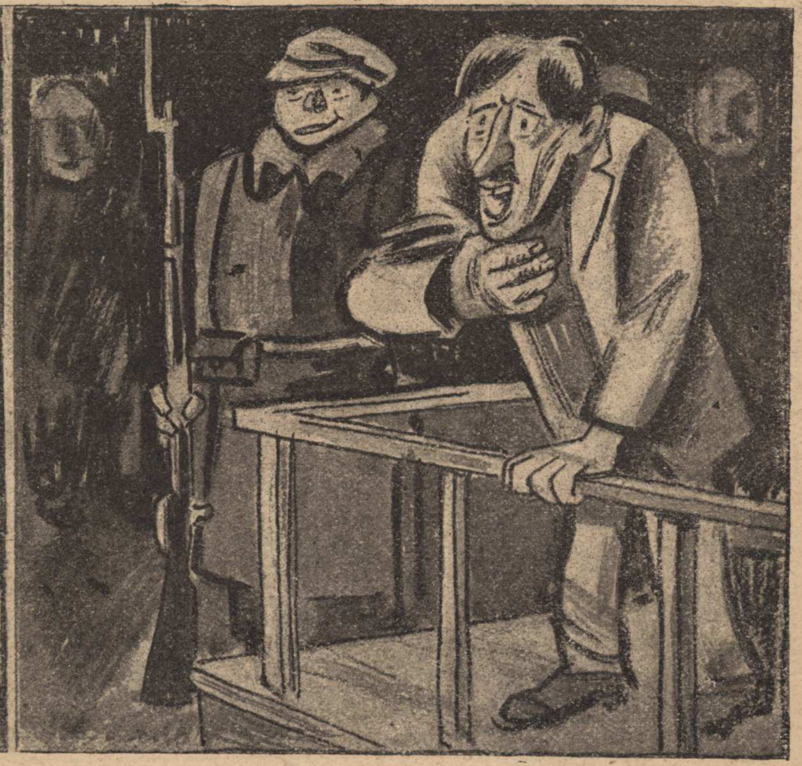
Рис. А. Гадакова





Иван Иванович очень любит, если ему кто-нибудь сделает подарок или гостинец. Это ему очень нравится.

(«Повесть о том, как поссорились...»)



— Я вот, ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти!

(«Ревизор»)

ГОГОЛЬ И ПАМЯТНИКИ

Рис. А. Радакова

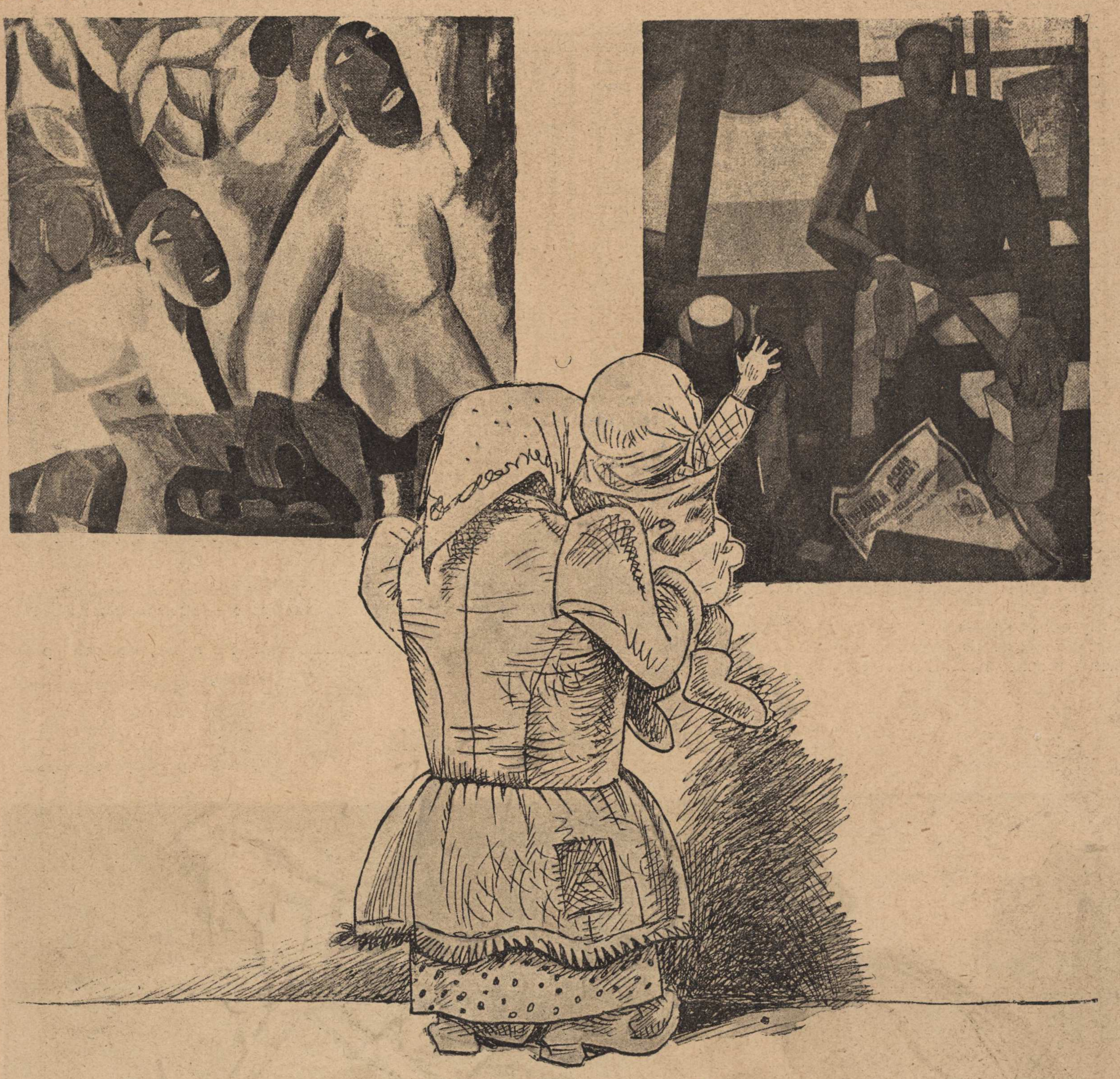


„Что это за скверный город! Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник, или, просто, забор - чорт их знает, откудова и нанесет всякой дряни!“ („Ревизор“)

ХУДОЖНИКИ И ЖИЗНЬ

Рис. Б. А.

Многие современные художники изображают рабочих и крестьян такими, что страшно на них смотреть...



— Бачь, яка кака намалевана!

(«Ночь перед Рождеством»)

ЖИЗНЬ

„Бедному сыну пустыни снился сон..."

Бедному сыну канцелярии снился сон.

Лежат и расстилаются перед ним роскошные палаты треста...

Роскошные машинистки, не пудря носов своих, радостно помахивают краткими справками и улыбаются просителям и ласково кивают им завитыми головками...

Лежит и расстилается спокойное Чернильное море, и не изводят его чернильные перья, ржавеющие без дела на столах и бюро...

Недвижны и величавы горы белоснежной бумаги в кладовых и на полках... Редкая рука бережно коснется вершин их и тотчас же исчезнет...

Люди отменили переписку свою, папки и архивы, они сносятся по телефону, телеграфу и радио, они не изводят чернил и бумаги и работают легко и радостно, по влечению сердца...

Лежит и расстилается могила волокиты во всесоюзном масштабе и вбит в нее роскошный осиновый кол и не встать волоките из гроба, и лежит презренная, вместе со своим Портфелем, под могильным холмом, на котором старцы, юноши и девушки ведут физкультурные игры в лучах восходящего солнца...

И говорит директор, помахивая значком ДК (Долой Канцелярщину) и поднимая на просителя ясные очи свои:

— Входите, входите ко мне без доклада! Излагайте дело свое и ждите совета моего и участья!!

И говорит секретарь, помавая пенсне, устремляя взоры в ближайшее прошлое:

— Нет и не будет кумовства и интриг при приеме на службу. Каждый войдет с улицы и станет желанным гостем!..

И говорит главный бухгалтер, помавая арифмометром и закатив в восторге карие очи:

— Нет и не будет отчетности весом более грамма, считая обложку! Нет и не будет бессмысленной траты человеческих сил...

И говорит кассир, помавая несгораемой кассой:

— Люди! Забудьте прошлое и ряд судебных процессов! Обыщите углы и уголки роскошной страны нашей и не найдете растратчика в ней, ибо честность нужна нам, как воздух!..

. . . .

Бедный сын канцелярии охнул и открыл тусклые очи свои.

Холодный пот увлажнял щеки его, обильные слезы застилали испуганные глаза его...

— Нечего сказать, жизнь! — сказал бедный сын канцелярии. Сплюнул и перевернулся на другой бок.

Александр Флит

ТОВАРИЩ ГОГОЛЬ

В наше переходное время, в наши скромные дни жил бы товарищ Гоголь не на улице Гоголя, а где-нибудь, ну, скажем, на Васильевском острове.

Жил бы человек не плохо. Насчет цельной квартирки не ручаемся, но отдельная комната была бы у него. Примерно, в 3 кв. сажени. Меблированная.

За мебель хозяйке Гоголь платил бы 20 целковых, да в домоуправление по 1 р. 60 к. за кв. метр.

А работал бы Гоголь в „Смехаче" (25 рублей за фельетон). Пришлось бы уж Гоголю расстараться на мелкие вещицы!

Большие вещи — разные там „Мертвые души" и „Старосветские помещики" — все это хорошо и отлично, но не достаточно. Главное, что свободной профессией попахивает. И пописывал бы Николай Васильевич разные мелочишки. Может быть, даже отдел „Тараканы в тесте" вел. Ох, пришлось бы сотрудникам слегка потесниться!

Ходил бы тов. Гоголь в серой толстовке. Лечился бы электричеством от острой неврастении в Знаменской лечебнице. Трешки бы занимал до среды. Сотрудники дружески хлопали бы его по плечу и говорили: „Ну, как, брат Гоголь?"

И вообще жил бы человек не худо. Вполне кормился бы при „Гудке".

Единственно, пожалуй, пришлось бы Гоголю пострадать от современной критики. Показала бы ему наша дорогая критика кузькину мать.

Критическую статью о творчестве товарища Гоголя мы представляем в наши дни примерно в таком виде:

ЕЩЕ ОДИН

(О творчестве тов. Гоголя)

Это что за фигура? Это откуда такое появилось? Это кто же дозволил ему появиться?

Мало у нас великих писателей, так вот еще какая-то персона лезет!

Нуте-ка, возьмем эту персону да рассмотрим, какая под ей подложена база. И может ли он этот самый Гоголь видеть разные важные проблемы? И есть ли у него, у подлеца, нормальный классовый взгляд или между прочим у его заместо взгляда—курица нагадила и вообще мелко-буржуазная стихия?

Сейчас мы ему, чорту лохматому, припаяем. Не читали его еще вещиц, но чувствуем, что припаяем. Потому нельзя иначе, чтоб не припаять.

Выпущает главное, чорт лохматый, общее собрание сочинений, огребает наверное громадные деньжищи, тратит бумагу, в то время, как кооперации продукты заворачивать не во что, и еще ходит Гоголем.

А пущай-ка лучше ответит, вносил ли он, курицын сын, налог за последнее окладное полугодие? И чем он занимался до 17 года?

Тоже писатель! Володя!

Критик ИВАН ЗАСЕКИН

Плохо, товарищи, быть писателем!

М. Зощенко

ЧИЧИКОВ И СОВРЕМЕННЫЕ ПЕСНИ

Критический очерк

Павел Иваныч Чичиков
Никогда не пел „Кирпичиков".

М. Тименс

ОБЩЕЕ ЯВЛЕНИЕ

— Вот, мама, теперь выяснилось, почему нашего Петю в ВУЗ не приняли: с Гоголем не знаком.

— Ох, милые, разве ж я не знаю?! Нынче без знакомства-то нигде и шагу не ступишь: везде кумовство да протекция.

ГОГОЛЬ И НЭП

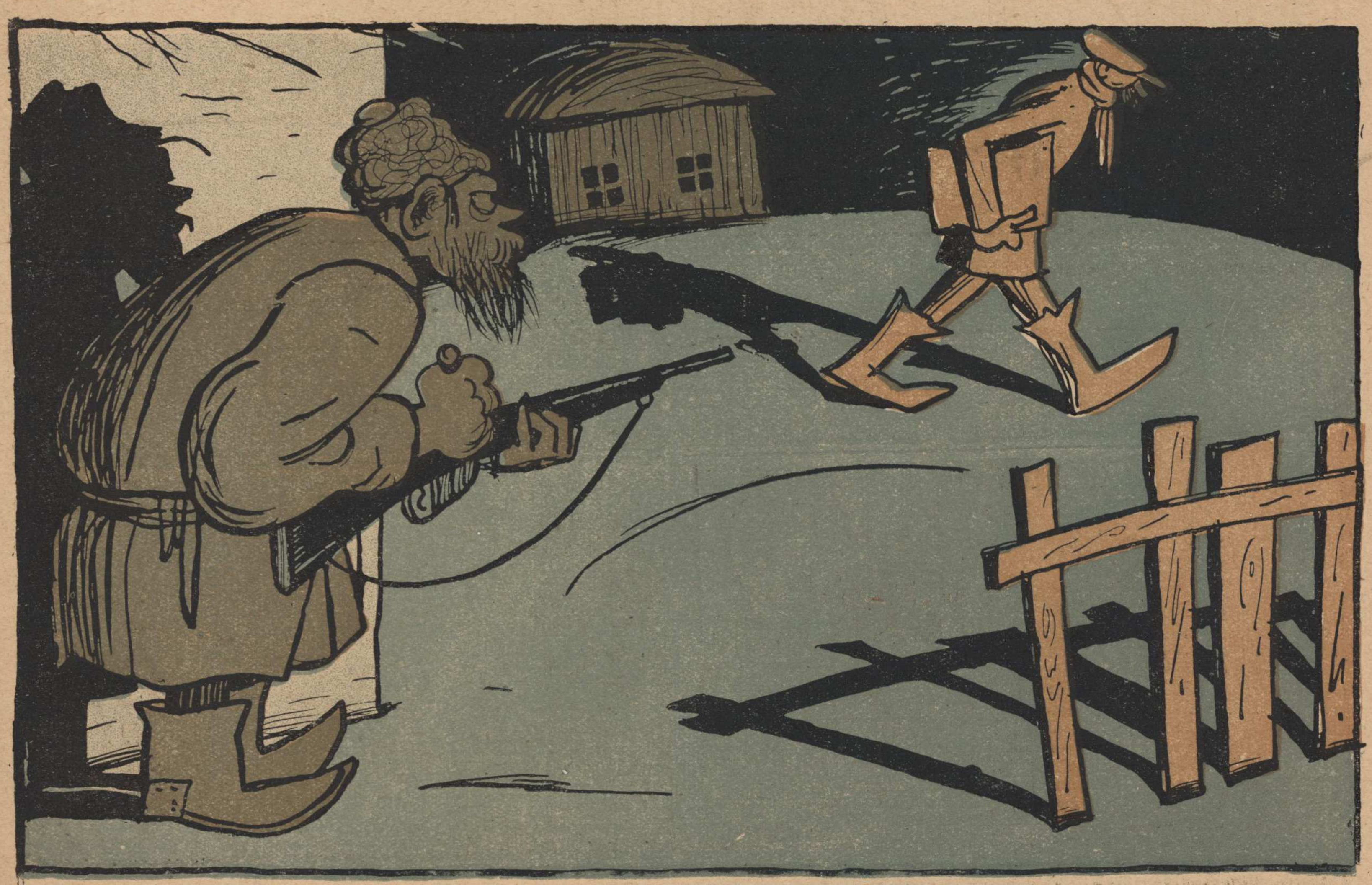
— Папа, тут сказано: „У алжирского бея под носом шишка". Какая это шишка?

— Шишка? У алжирского бея? Не иначе, как сам председатель треста!

„СТРАШНАЯ МЕСТЬ", ИЛИ —

Рис. Б. Малаховского

К диким расправам с селькорами.



„ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ"

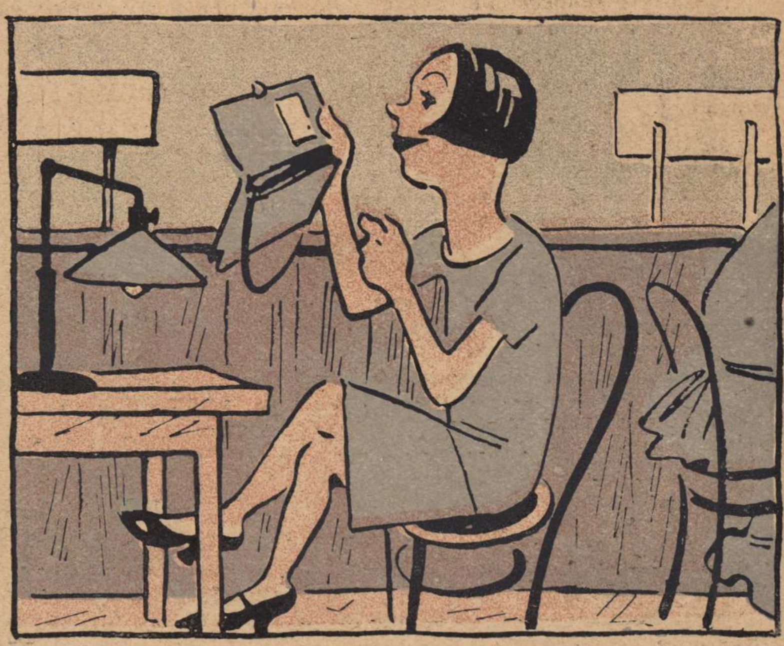
„РЕВИЗОР“ Н. В. ГОГОЛЯ

В ПРЕЛОМЛЕНИИ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

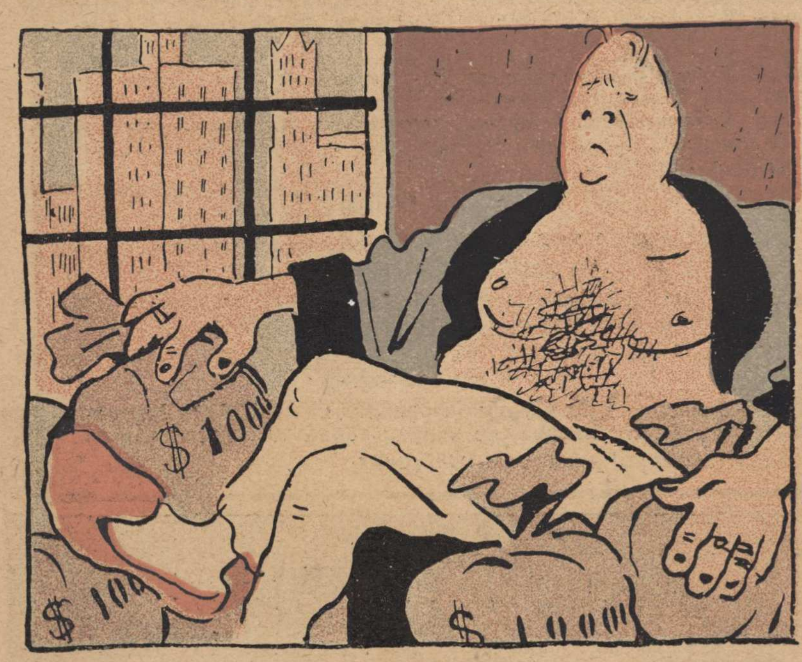
Рис. Н. Радлова



Рабфаковец: — Чорт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы!



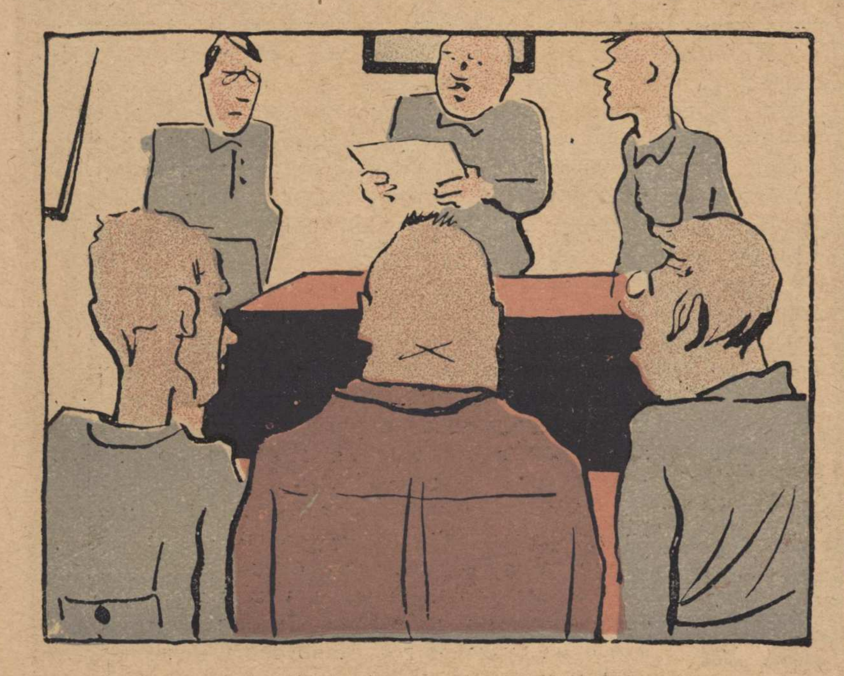
Совбарышня: — В голове чепуха, все женихи сидят.



Шаляпин: — Вот, не доедем да и только домой!



Посетитель столовой „Нарпита“: — Что это за суп? Ты, просто, воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет.



Губсуд растратчикам: — Без чинов, прошу *садиться!*



Маяковский: — С Пушкиным на дружеской ноге... Большой оригинал!

В КООПЕРАТИВЕ

Рис. Б. А.

Евлампий Надькин: — Слушайте, товарищ, хоть в гоголевском номере не заворачивайте селедок в Гоголя!

ВАШЕ МНЕНИЕ О ГОГОЛЕ?

Частник: — Во всяком случае, Гоголь понимал, что кооперация—кооперацией, а частник тоже хочет жить! Мне нравится его „Сорочинская ярмарка"... Ни слова о патенте, о сверх-прибыли! А, если там даже есть чорт, так не так он страшен, как его малюют. Я предпочитаю ад, чем чистилище; в аду вас меньше почистят, чем в таком чистилище, как финотдел!

Совслужащий: — Ну вот! Получаю я 6-й разряд. Послужу год—сократят! Перехожу с трудом на другое место. Послужу — сократят! А, если кто шишка тот держится. Не про мое ли место, младшего счетовода, писал великий Гоголь в своем рассказе „Заколдованное место"? А вообще, кроме расчетной, никаких книжек не читаю!

Милицейский: — Гоголь? Эт-та такой старый партиец, в честь коего во всех городах улицы Гоголя понастроены? Нет? А кто же он? Писатель, говорите! Автор Невского проспекта! Чудите, гражданин! И проспекта такого нет! А, ежели вы про улицу 25-го Октября, то, извиняюсь, мы не того района. Мы—с Московских ворот... А всех граждан разве поименно упомнишь?

Рис. Н. Р.

БУХГАЛТЕР

ОТЧЕТ

„ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО"

Хозяйственник: — Ну, что хорошего в „Коляске"? Ничего-с! Это — экономия на мелочах! Ауто в сорок сил, ей-ей, выгоднее для учреждения! А Гоголь этот, право, совсем зарежимился! Ревизора еще выдумал... А ревизору тоже платить надо! И к чему особый ревизор, когда есть РКК, РКИ, Юротдел и Отдел Труда? А потом — дефицит! Нет, товарищи, пусть Гоголь — классик, но нам нужен классовый подход, а не классический!

Акушерка: — Лучшее в мире — это, когда двое любящих женятся! От этого полнеет мой карман! Николай Гоголь, однако, обманул меня... „Женитьба"! Я обрадовалась! А на деле—ни новорожденного, ни аборта, ни даже совета! Расстроилась женитьба... А, может-быть, невеста до брака еще в бесплатную амбулаторию сходила? Тогда, за „долой знахарство" я Николая Гоголя — не люблю, хотя и уважаю!

Шкраб: — Люблю я этого гения за его смех сквозь слезы... Так это мою жизнь напоминает... Зарплата моя — смех один! А экипировка с обстановкой—слезы сплошные! А знаете-ли вы украинскую ночь? Нет, не знаете! Сижу после трудового дня с нагрузкой в гор. Конотопе и ночью изучаю украинский язык. Ничего не попишешь—украинизация! А не выучу — полечу!

М. Коварский

ВОСПОМИНАНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

От автора.

Эти воспоминания великий писатель написал еще при жизни. По своему обыкновению, он их сжег. Лишь с большим трудом и с колоссальной затратой энергии мне удалось найти печку, в которой были сожжены предлагаемые здесь воспоминания автора „Мертвых душ“. Остальное, т.-е. выгрести пепел и восстановить из него сожженные воспоминания автора „Ревизора“, было уже не трудно.

Некоторым может показаться странным, что Н. В. Гоголь, умерший в.. в... словом, умерший очень давно, рассказывает о своих встречах с ныне здравствующими писателями. Сознаюсь: мне это тоже кажется странным. А между тем это факт. С фактами же не спорят. А с ними мирятся только.

Александр Сергеевич (Пушкин. Прим. автора) сказал, что будет читать свои стихи Владимир Маяковский. Собрались все наши: Дельвиг, Нащокин, Жуковский, я — словом, весь пушкинский кружок.

Маяковский обласкал нас. Читал он великолепно. Когда дошел до следующих стихов:

Тому не страшен мороз зловещий,
Кто купил в Гуме меховые вещи—

все вскочили со своих мест. Жуковский снял свою звезду и повесил ее на Маяковского. Вышло двояко: Владимир получил звезду, а звезда получила Владимира.

После ухода поэта Пушкин (Александр Сергеевич. Прим. автора) сказал свой знаменитый экспромт, обращаясь к Жуковскому:

Скажи мне, дедушка! Отчего, когда читает Маяковский,
Мне кажется, что это проза и притом еще какая-то дырявая...

Все, в общем, были подавлены от восторга.

Зашел Гладков, автор „Цемента“.

— Шуруешь?—спросил он, хлопнув меня по плечу.

— Чего?—переспросил я.

— Шуруешь, говорю. Поставил на попа и бузуешь на пузо. Ну, ничего! Балабань, балабань, а мы вот жвыкаемся и курлыкаем! Как нибудь оклемаемся. Капиталисты здорово ногой кашляют и дырки бурками заряжают, капло им в хайло!

Учусь русскому языку. Вдруг еще кто нибудь зайдет из писателей: Вячеслав Иванов, Пантелеймон Романов или кто-нибудь другой. Как я с ними буду изъясняться? Надо подучиться русскому языку. Читаю пока вечерние газеты...

Познакомился с одним писателем в Москве у памятника какого-то моего однофамильца и даже тезки—Николая Васильевича Гоголя.

Как хорошо, что этот мой однофамилец ничуть на меня не похож, а то могли бы его принять за меня, за автора моих произведений.

Сидит он, бедный, и смотрит на роскошный писсуар, выстроенный как раз против него. Когда я спросил милиционера, кто был этот человек, которому поставили памятник, он сказал:

— Не наше это дело. Посадили его на постумент, значит было за что.

Писатель, с которым я познакомился, оказался юмористом и все время называл меня коллегой. Прочитал он мне несколько юмористических рассказов своих и чужих.

Очень хорошо, только как-то совсем не по-нашему. У нас были незримые слезы, а у них незримый смех...

Один только раз видел Пушкина смущенным. Одоевский принес и прочитал следующее:

Ходят парни уже не простые:
— Председатель!
— Политпросвет!
— Экправ!

Пушкин спросил:

— Это повестка какого-то заседания?

Одоевский спокойно сказал:

— Нет, стихи!

Пушкин покраснел и сказал:

— Раньше поэта, художника и писателя называли: „метр“ (учитель), теперь они больше. Они... километры...

На этом и обрываются воспоминания.

О. Л. Д'Ор

„ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО“

Рис. Н. Радлова



— Я тебя породил, я тебя и убью!— сказал словами Тараса Бульбы красный изобретатель и...



понес свое детище в комитет по делам изобретений.

Рис. В. Лебедева



— „Скучно в этом (домпро)свете, господа!"

(„Миргород")

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

„ЛЕГКОСТЬ В ПОЛОВЫХ ВОПРОСАХ НЕОБЫКНОВЕННАЯ"

В «Сар. Изв.» (265) читаем о том, как в *клубе имени „Комсомола" председатель правления клуба, член партии Истрашкин пытался изнасиловать комсомолку Т-ву.*

На заседании парткома выяснилось, что

промблему брака студент и член партии Истрашкин довел до «идеальной» простоты. Его связь с женщиной началась с выдачи ей письменного обязательства—«акта». В таких актах Истрашкин предполагаемую женщину собственноручно объявлял «женой» с такого-то числа, а «брак» с такого-то числа «законным». Акты аннулируются по желанию Истрашкина. Чаще всего они теряли свою «законную» силу на второй же день.

— Какой же вы после этого большевик?— задается вопрос.

И с сознанием собственного достоинства, выставив грудь вперед, Истрашкин отвечает:

— Я не считаю себя большевиком, я только коммунист!

История с девушкой Тугушевой известна. Следует только напомнить, что «рыцарь» напоролся здесь. Не помогли — ни мольба на коленях, ни партийный билет, который он отдавал в «залог», ни «акт», который тут же на улице, под фонарем, он составил, и, наконец, ни даже физическая сила, которую он применил. «Рыцарь нового быта» потерпел поражение.

Истрашкина вычистили из партии. Но половая „хлыстаковщина" продолжает процветать среди молодежи. „Открой только клуб, сейчас же нанесут всякой дряни", — сказал-бы Николай Васильевич.

На Руси, в городах и столицах, водятся такие мудрецы, которых жизнь—совершенно необъяснимая загадка. Все, кажется прожил, кругом в долгах, ниоткуда никаких средств, а задает обед и все обедающие говорят, что это последний, что завтра же хозяина потащат в тюрьму. Проходит после того 10 лет — мудрец все еще держится на свете, еще больше прежнего кругом в долгах и также задает обед, на котором все обедающие думают, что он последний, и все уверены, что завтра же потащат хозяина в тюрьму.

(«Мертвые души»)

ЧОРТОВА ГОРИЛКА!

„Кр. Курган" пишет:

Хотя Гоголевские времена с русалками, дьявольскими свиными рожами и всякой другой нечистью, влиявшей на слова и поступки людей, давно прошли, но и в наше время есть много случаев, которые сразу и не объяснишь:

В Половинский Райком (Ур. область) вызвали избача Демина и поручили ему провести женское собрание в д. Байдарах. Демин поехал, но... как он сам изложил в письме к приятелю: „Я до Байдар доехал в состоянии невменяемого... не помню, как попал к одному мужику в погребец, где и проснулся часа в 2 ночи, при чем потерял фуражку, галоши и папку с делами".

И не везет же бедному человеку! Нечистая горилка (она же — самогон, она же — хлебное вино) сгубила! Или может совсем Байдары — не Байдары, а — „Заколдованное место" ?!

ЗОЛОТОЙ ВОЗРАСТ!

„Золотой возраст! — сказал он и приятное выражение возвратилось на его лице". (*„Мертвые души"*)

В Туле

беспризорные ребятишки создают себе новый источник дохода. Предлагают рабочим, выпивающим на улице, стаканчик, чтоб удобней было пить, и требуют себе за это только глоток водки.

Вы правы, Николай Васильевич: „Что может быть завидней ребяческого возраста? Никаких забот, *никаких мыслей о будущем!..*

„М. Д."

Но государству следует об оном будущем позаботиться!..

УНТЕР-ОФИЦЕРСКАЯ ВДОВА ИЗ МАЛИНА

Нечистая сила чуть было не проникла в один из коллективов местечка Малина (Волынской губ.).

Ячейка рассматривала кандидатуры в партию и, по заявлению одного из членов, в срочном порядке отклонила кандидатуру т. Калабухова на том основании, что *его отец в старой армии служил денщиком.*

„Коммунист".

Видано-ли это, чтоб комъячейка, как унтер-офицерская вдова, сама себя высекла?

А вы, Николай Васильевич, надеялись: выдумал, мол, такую зловредную бабу, что меня ни в жисть не переплюнуть?!

ТЫСЯЧА БОБЧИНСКИХ В ХАРЬКОВЕ

В Харькове была устроена Всеукраинская Промышленная Выставка. Администрация разослала всем учреждениям предложение прислать фотографии лиц, содействовавших возрождению промышленности на Украине.

В числе прочих получил предложение и Окружной Отдел Местной Промышленности. Заправилы отдела немедленно разослали нижеследующий приказ по трестам: „Прилагая при сем копию отношения Всеукраинской Промышленной Выставки, предлагаем всем председателям трестов, их заместителям, техническим и коммерческим директорам сняться *в 2-х* экземплярах и представить карточки на выставку".

„Коммунист"

Обрадовались Бобчинские и побежали сниматься. По подсчетам, таких Бобчинских в Харьковской Промышленности — до 1.000 человек. Иными словами, в витринах Выставки появятся *2.000 безукоризненных физиономий.* (Каждый Бобчинский в 2-х экземплярах). И все только потому, что у Бобчинских во всесоюзном масштабе — одно скромное желание: — „Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство или ваше превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский". („Ревизор")

И ЕЩЕ ОДИН БОБЧИНСКИЙ В НИКОЛАЕВЕ

В Николаеве директор Судостроительного Завода привез из Одессы кино-аппарат и смастерил с ним „производственную" фильму. По словам „Коммуниста", содержание фильмы следующее:

Ч. I. Директор подписывает бумаги в кабинете. Ч. II. Директор разговаривает с посетителями. Ч. III. Директор разговаривает с мастерами. Директор идет... гм, неудобно сказать, куда... ну, словом, идет по делам. Ч. IV. Директор садится в автомобиль. Директор едет домой. Все машут восторженно платками и кепками. И т. д.

РКИ одобрила картину, как верно подметившую жизнь директора, и отнесла фильму за счет... директорского оклада.

Зато мы-то знаем, что в городе Николаеве живет Петр Иванович Бобчинский!

ГОГОЛЕВИЧИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Коробочка и *Плюшкин*, оба —
Добычей мирной стали гроба
Еще в 17-ом году:
Как два ведра на коромысле,
На липе вековой повисли
В густом усадебном саду.
Ноздрев, бежав петли и ветки,
Служил ретиво в контр-разведке;
Прокрался; пойман был; прибит;
Но после вынырнул в Берлине,
Где, по трактирам, и поныне
Буянит, жулит и шумит.
О *Собакевиче* известно
Что он устроился чудесно
По интендантству на-Дону.
Шел — к миллионам рысью смелой;
Потом — водою, в Дарданеллы;
Потом — булыжником, ко дну.
Манилов служит в Наркомпросе:
Когда-то был в чести и спросе,
Но измечтался, и теперь
Его проектам хода нету;
Притих, и к будущему лету
Ждет верной выставки за дверь.
И только Чичиков доселе,
И на октябрьском новоселье,
Рвет за кушем обильный куш,
Вдоль по республикам летая —
Живя, кормясь и процветая
Обильной скупкой мертвых душ.

В. Князев

ИЗ „ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕГО"

Нет, я больше не могу молчать! Боже, сиречь опиум народа, что ни делают со мной? Они льют мне на голову воду из общественной уборной. Управдом не слушает меня. Что я сделал Фининспектору? Чего они хотят от меня, бедного труженика? Что могу я дать им, если я получаю по 6-му разряду?

Голова горит моя, как магазин частника. Все кружится предо мной, как карты во время растраты. Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мне быстрый, как вихорь, аэроплан. Садись, мой пилот, загуди, мотор, завертись, пропеллер, и неси меня с этого света! Далее, далее, выше всех вывесок Гострестов...

Вот уже небо клубится надо мной тысячами антенн. Звездочка пятикопеечная сверкает на шлеме Ильи Пророка. Лес несется со штабелями березового швырка. Туман стелется от пивных ЛСПО.

Струна звенит в Акфилармонии. Вон и советские избы виднеются. С одной стороны море, а с другой — Ленинград с Лиговкой и Чубаровым переулком. Дом ли мой демуниципализированный синеет вдали. Мать ли моя сидит на руинах.

Матушка, бедная матушка, кто тебе теперь платит алименты?.. Торгуешь ли ты беспатентными яблоками или перешла на самогон?

Не плачь, родная, ведь, все равно, Москва слезам не верит. Пожалей твоего бедного сиротку. Нет ему места на свете. Отовсюду его сокращают. Выперли несчастного из Вукопспилки, и из Губкомпома, и из Моссельпрома...

А знаете ли, что у тов. Коллонтай под самым носом пудра?

Бывший титулярный советник
Авксентий Иванов Поприщин.
Переписал ***Аркадий Флорин***

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

105. В пространство Н. В. Яновскому. Помещено не будет: ваши герои устарели.

106. Там же. Н. Г—ю. „Совершенно невероятное событие в двух действиях *Женитьба*" совершенно не соответствует действительности. Отчего ни словом не обмолвились о ЗАГС'е?

107. Хутор б. Диканьки. Н. В. Г. Пора бы знать, что проспект зовется „Проспектом 25-го Октября". Повесть „Невский проспект" — не пойдет.

Ив. Пр.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

На днях в ленинградских газетах появилась заметка такого содержания:

Новая постановка И. Терентьевым «Ревизора» в ленинградском театре Дома Печати будет в корне отличаться от обычной трактовки пьесы. Трактовка отдельных ролей изменена. Пьеса будет заканчиваться «Театральным разъездом», написанным по гоголевской канве, но на новые темы.

Гоголевская Агафья Тихоновна, которая никак не могла решить кому из женихов отдать предпочтение, рассуждала так:

— Если-бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да пожалуй прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась.

Современные режиссеры, к сожалению, придерживаются в своих монтажных работах системы Агафьи Тихоновны, приклеивая к «Ревизору» «Театральный разъезд», а к «Женитьбе» — «Тараса Бульбу»...

*

В одном из своих последних стихотворений («Известия ЦИК», № 252) В. Маяковский так дополняет Гоголя:

Знаете ли вы
украинскую ночь?
Нет,
вы не знаете украинской ночи!
Здесь
небо
от дыма
становится черно
и герб
звездой пятиконечной вточен.

Здесь, опять таки, к носу Николая Васильевича Гоголя приставлены губы Владимира Владимировича Маяковского.

«Агафья Тихоновна» работает на всех театральных и литературных фронтах, не покладая рук..

Рис. Б. Малаховского



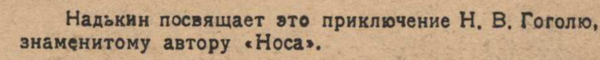
Н. В. Гоголь: — Сердечно благодарю! Теперь, после специального номера „Смехача", многие узнают, что в России жил такой писатель — Николай Васильевич Гоголь.

Издатель—«ГУДОК». Ответственный редактор—И. Н. Пирогов.

Ленинградский Гублит № 27452. Тип. им. т. Зиновьева, Изд-ва «Лен. Правда», Ленинград, Социалистическая, 14. Зак. № 5763. Тираж 80.000

ЕВЛАМПИЙ КАРПЫЧ НАДЬКИН В ТЕСТЕ

Рис. Б. Антоновского. Текст Ив. Пруткова


Надькин посвящает это приключение Н. В. Гоголю, знаменитому автору «Носа».



Я с производством незнаком
Дай — загляну одним глазком! —
И Надькин нос просунул в дверь.



Катись, герой! Ступеньки мерь,
Стучи по лестнице хребтом!..
Но горе главное — не в том!



Ах, Надькин! Где твоя краса?!
Где нос, торчавший в небеса?
Жестоко насмеялся рок —
На месте носа — бугорок!



Евлампий — в страхе. Мудрено-ль:
Герой безносый — просто ноль!

Ужасней нету образин!
— Скорей! Скорее в магазин!!

Ползут минуты, как часы...
Вот—магазин! И в нем носы!



Смягчил приказчик голосок:
— Какой прикажете носок?



Примерил первый. Молодцу
Бревно такое не к лицу...



Другой приставил. Что за нос?!
С ним прямо наживешь понос!



Бедняк безносьем побежден
Он взять вот этот принужден..



Полтинник платит — и домой
Плетется, в горечи немой..



Хозяйка - в ужасе. Она
До самых пят потрясена ..
— Ах! Горе! — стонет: — Сколько бед!
Но все же кушайте обед...



Евлампий в хлеб вонзает нож,
Разрезал пополам... И что-ж?!
О, счастье! О, свершенье грез!
Пред ним в середке — *бывший нос!!*



Кружись, веселый хоровод!
Пляши от радости фокстрот!
Но помни, Надькин, наперед
И заруби ты на носу:
Не сохранишь свою красу,
Коль сунешь нос в... хлебозавод!!